

⁷ Fumaroli M. Op. cit. P. 199.

⁸ Bertièrè A. Op. cit. P. 22.

⁹ Ibid. P. 37.

¹⁰ Ibid. P. 38.

¹¹ См. об этом подробнее: Lesne E. La poétique des mémoires (1650-1685). Paris, 1996. P. 15; Démoris R. Le roman à première personne. Du classicisme aux Lumières. Paris, 1975. P. 63.

¹² Bertièrè A. Op. cit. P. 30.

¹³ Ibid. P. 31.

¹⁴ Carrière H. Pourquoi écrit-on des mémoires au XVIIe siècle. L'exemple des mémorialistes de la Fronde // Le Genre des mémoires. P. 147.

¹⁵ Briot F. Du dessein des mémorialistes: la seconde vie // Le Genre des mémoires. P. 191.

¹⁶ Démoris R. Op. cit. P. 74.

¹⁷ Ibid. P. 92.

¹⁸ Fumaroli M. Op. cit. P. 214.

¹⁹ Ibid. P. 206.

²⁰ Bertièrè A. Op. cit. P. 44.

УДК 821.161.1.09

ЭПИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ Е.П. ЛЮЦЕНКО: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА

Ю.Г. Дорофеева

Саратовский государственный университет

E-mail: grunaughen@mail.ru

В статье рассматриваются эпические опыты Е.П. Люценко «Чеслав», «Буривой и Ульмила», устанавливаются их источники – «Повесть временных лет», Иоакимовская летопись, раскрывается специфика предромантического историзма.

Ключевые слова: Люценко, предромантический историзм, эпический опыт, проблема национального характера.

Ye. P. Lyutsenko Epic Experiments: To the Problem of the Pre-Romantic Historicism

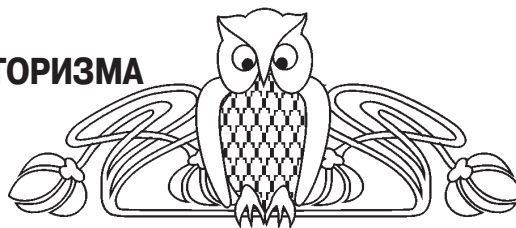
U.G. Dorofeyeva

Such epic experiments of Ye. P. Lyutsenko as «Cheslav», «Burivoy and Ymila» are analyzed in the article; their sources are established, they are «The Russian Primary Chronicle», «Joachim's Chronicle»; the peculiarity of the pre-Romantic historicism is revealed.

Key words: Lyutsenko, pre-Romantic historicism, epic experiment, national character issue.

В современном литературоведении проблема предромантического историзма получила достаточно глубокое освещение: изучен предромантический тип исторического мышления в творчестве М.Н. Муравьева, П.Ю. Львова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, В.Т. Нарезного, а также А.Н. Радищева, Г.Р. Державина. В данной статье рассматриваются произведения литератора конца XVIII – начала XIX в. Е.П. Люценко, посвященные эпическому прошлому древней Руси.

Литературная деятельность Ефима Петровича Люценко (1776–1854) обширна и разнообразна. В 1793–1805 гг. поэт активно сотрудничает с журналами «Прохладные Часы», «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», «Журнал для пользы и удовольствия» и др. В 1810 г. он выступает составителем «Европейского музея, или Извлечений из иностранных журналов» (с № 11 по № 24)¹. Стесняемый жизненными обстоятельствами, Люценко переводит

научно-практические и педагогические книги, а также стремится порадовать читающую публику современными переводами классических произведений изящной словесности («Странствования Телемака» Ф. Фенелона, «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Дж. Мильтона).

В 1816 г. писатель становится одним из основателей Общества соревнователей просвещения и благотворения (другие названия общества – Вольное общество любителей российской словесности, Ученая республика) и в первый год его существования занимает должность председателя, цензора поэзии и исполнителя. Литературные интересы членов Общества сосредоточены на гражданской, национальной тематике, что влечет к изучению исторических документов, фольклора, древних преданий и мифов. В.Г. Базанов убедительно доказывает, что «Вольное общество не от случая к случаю, а систематически занималось пропагандой фольклора и памятников древнерусской литературы»². На заседаниях К.Ф. Рылеев читает думы «Святослав», «Баян», «Богдан Хмельницкий», «Смерть Ермака», Н.А. Цертелев – «Исторические известия о запорожских козаках», А.Д. Гиппинг – «Об упоминаемом в славянских летописях походе русских в Финляндию», А.В. Склабовский – «Царский пир в столице славян-победителей». Люценко также выступает на заседаниях общества со своими сочинениями о героическом прошлом России («Чеслав», «Буривой и Ульмила»). Интересно, что он выставляет на суд и ранее опубликованную балладу «Церна. Княжна Черниговская». Е.Э. Лямина и С.И. Панов отмечают, что «в отличие от декабристских сочинений сходной тематики, произведения Люценко лишены сколько-нибудь отчетливой соотнесенности с политической ситуацией 2-й половины 10-х гг.»³. Если рассматривать это критическое замечание не с точки зрения содержания, направ-

ленности произведений на определенную читательскую аудиторию, а с точки зрения поэтики, то его можно сформулировать следующим образом: Люценко не встает на путь романтизма, оставаясь на литературных позициях конца XVIII – начала XIX в. (в частности предромантической).

Действительно, пытаться связать произведения Люценко с декабристской пропагандой, несмотря на их внешнюю тематическую близость, было бы неверно. В 1817 г. секретарь А.А. Никитин предложил членам Общества подготовить издание полной «Российской энциклопедии» и исторического словаря о великих мужах России («Жизнеописание многих великих людей отечества»). За проектом стоял, вероятнее всего, Ф.Н. Глинка, активный и опытный член декабристских союзов. Глинка хотел общими силами современных писателей создать антиофициозный труд по истории России наподобие «Путешествия молодого Анахарсиса по Греции» Жан-Жака Барталеми. Базанов пишет: «Глинка набросал план путешествия, основные его маршруты, наметил важнейшие разделы будущего “исторического повествования”. В “русском Анахарсисе” следовало представить “почетный пир князя Владимира, Солнышка Святославича”, “вещих боянов, могучих богатырей”, “Новгород Северский” и все, что связано с древним городом, “поход Игоря против половцев”, “знаменитейших жен русских, избавляющих себя честною смертью от позорного пленения” <...> и другие “намекы на избранные места истории нашей”»⁴. Жизнь и подвиг могучего богатыря представлены в «Чеславе» Люценко, древний Новгород и борьба за его свободу – в «Буривое и Ульмила», русская женщина, избавляющая себя честною смертью от позорного пленения, – в «Церне». Однако «Церна» написана за 22 года, а «Чеслав» за 11 лет до знакомства Люценко с проектом Глинки. В произведениях передовых членов Общества за внешней формой повествования об историческом деятеле скрывался подтекст, соотносимый с декабристской пропагандой гражданских прав и свободы, поэтому слова о святой свободе и бесстрашии смерти за свободу отчизны, о древних правах граждан приобретали особые смысловые оттенки, отсутствующие в текстах Люценко. Сюжеты о подвигах его привлекают как образцы для воспитания юношества. Так, Чеслав – «жертва своя отчизны добровольна»⁵, и автор уверен, что потомки должны и будут чтить его память. У К.Ф. Рылеева не менее славный герой Ермак также не жалеет своей жизни за святую Русь и ее славу, но слова о его смерти звучат символично, пророчески трагично: «Тяжелый панцырь – дар Царя, // Стал гибели его виною»⁶.

Однако говорить о полном отсутствии соотносительности произведений Люценко с политической ситуацией второй половины 1810-х гг. было бы неверно. И. Булкина рассматривает сюжет о киевском отроке как парный сусанинскому: «Они описыва-

ют подвиг простых людей, спасителей престола и отечества, и обращение к такого рода сюжетам характерно и закономерно в 1800–1810-е гг., в годы наполеоновских войн и патриотического подъема. Эта модель – простой человек, “народный герой” и “спаситель отечества”, востребована в процессе формирования актуальной идеологемы “национального героя”»⁷. К сюжету о подвиге киевлянина обращаются не только писатели (К. Батюшков, Е. Люценко, А. Княжнин), но и художники (А. Иванов), музыканты (А. Титов). И. Булкина справедливо отмечает, что эпический опыт Люценко «Чеслав» выходит в свет в 1818 г. именно на «оперно-героической волне»⁸.

Д.М. Шарыпкин, рассматривая эпический опыт Люценко «Буриовой и Ульмила» в числе скандинавских сюжетов в русской романтической литературе, также отмечает историко-героический и гражданский пафос, сближающий сочинение Люценко с произведениями литераторов-декабристов. Он считает, что Люценко при создании этого произведения «ориентировался на Радищева и поэтов-радищевцев»⁹. Напомним, что лирика радищевцев 1800-х гг. – гражданская лирика, «поэзия резко выраженных общественных интересов и полногласного политического звучания», «центральный образ поэзии радищевцев – образ свободолюбца и патриота, которого воодушевляют два всепоглощающих чувства – “любовь к Отечеству и должность гражданина”»¹⁰. Классицистический образ патриота у радищевцев преобразуется у Люценко в предромантический: героем движет не одна страсть (долг гражданина), а сложные, противоречивые чувства.

«Церна. Княжна Черниговская», «Чеслав», «Буриовой и Ульмила» – не единственные произведения Люценко на историческую тему. В их круг входят «Мария Стюарт, трагедия, переделанная с немецкого», «Царь Иван Васильевич Грозной на звериной охоте» (историческая повесть в прозе), «Жизнь Екатерины I», а также, предположительно, «Биография. Сир Вальтер Ралей», «Австрийская принцесса. (Исторические замечания)». Жанровое разнообразие не позволяет рассмотреть все произведения в рамках одной статьи. Остановимся на эпических опытах «Чеслав», «Буриовой и Ульмила». Они имеют «обратный хронологический порядок»: более поздний текст обращается к более ранним историческим событиям: «Чеслав» – X в., «Буриовой и Ульмила» – VIII–IX вв. На наш взгляд, это не случайная хронология, а своеобразный «указатель» усиления предромантических тенденций в творчестве писателя. По утверждению Т.В. Федосеевой, чем дальше по времени от автора удалена изображаемая эпоха, тем она вызывает больший интерес: «...древнее дохристианское и раннее христианское существование народа было привлекательно для предромантиков именно своей удаленностью во времени. Обращение к старине не стесняло воображения и полета фантазии автора, предоставляло возможность для полного

выражения “исторической эмоции” (определение Б.М. Эйхенбаума)¹¹.

Работа над «Чеславом» началась у Люценко в 1806 г., первая публикация текста состоялась в первой части «Трудов вольного общества соревнователей просвещения и благотворения» 1818 г. В этом же году в Санкт-Петербурге вышло отдельное издание произведения. О «Буриовой и Ульмиле» известно лишь время выхода в свет – 1818 г. Оба сочинения имеют подзаголовок – «эпический опыт». Эпос – «зеркало» воспроизводимой эпохи, отражающее быт, нравы, философию, психологию своего времени. Обращение к историческому документу в таком случае неизбежно.

Сюжетная основа «Чеслава» почерпнута Люценко из «Повести временных лет», из цикла рассказов о военных походах киевского князя Святослава – эпизод осады Киева печенегами в 968 году. О данном событии повествуют Лаврентьевская, Софийская, Новгородская, Радзивилловская, Московско-Академическая летописи. К сожалению, не известно, на какие источники опирался Люценко в своей работе¹².

Основу эпического опыта «Буриовой и Ульмила» составляет исторический факт борьбы новгородского князя Буриовой с варягами, упоминаемый в Иоакимовской летописи, изложенной в «Истории Российской» В.Н. Татищевым. Шесть сухих фактографических летописных строк Люценко преобразует в эпическое полотно героико-трагического содержания, в центре которого ставит любовный сюжет: на Новгород нападают варяги под предводительством Свенона, с юных лет влюбленного в Ульмилу. Ульмила, жена Буриовой, переодевшись в мужские доспехи, ценой своей жизни помогает супругу одержать победу над врагом. Буриовую остается лишь оплакивать смерть верной жены.

Предромантики стремятся отыскать и отразить собственную национальную идентичность, ментальность, что порождает интерес к национальной теме. Т.В. Федосеева пишет: «В русскую литературу рубежа веков входила национальная история во множественном своем проявлении: в событиях, сюжетах, образах, именах. Историческое описание несло в себе и искусство психологического анализа, и внимание к противоречивой сложности человеческой природы, к миру человеческих страстей, возрождая образ предка из обреченных ранее на забвение древнерусских памятников. В характерах, событиях, конфликтах далекого прошлого искали ответы на вопросы о своеобразии национального русского характера»¹³. Люценко, как и многие из его современников, обращается к изображению событий дохристианской Руси: перед читателем разворачиваются картины спасения русских столиц, южной (Киев – «Чеслав») и северной (Новгород – «Буриовой и Ульмила»), моменты объединения русских племен для борьбы с иноземцами, для отстаивания своей независимости, т.е. моменты, при которых русский

характер проявляет себя в полной мере. Оборону южной столицы можно отнести к переломным событиям русского княжения. «Повесть временных лет» заканчивает сюжет осады Киева печенегами назидательным обращением к Святославу. Укор-наставление указывает на необходимость смены внешней политики (завоевательные походы) на внутреннюю (укрепление княжеской власти вокруг одного центра), что и произошло при правлении сына Святослава, Владимира. Обращение Люценко к имени Буриовой также неслучайно. Сведения об этом князе сохраняет только изложенная В.Н. Татищевым «История Иоакима епископа Новгородского». Фигура Буриовой примечательна и для самого историка. Епископ Новгородский Иоаким предваряет повествование о нем сообщением: «... по смерти Владимира и матери ево Адвинды княжили сынове его и внуки до Буриовой, иже девятый бе по Владимире, имяна же сих осьми неведомы»¹⁴.

Летописи становятся для Люценко лишь источником сюжетов; интерпретация событий, характеров – плод творческого воображения писателя. Так, «Повесть временных лет» не сохранила имени отважного юноши, спасшего Киев (по мнению Д.С. Лихачева, народное предание об отроке следует считать «вставленным в более ранний текст позднее»¹⁵). Люценко использует горящие славянские корни, характерные для того периода: Чеслав – добывающий славы, славы. В «Повести временных лет» киевляне бросают клич по городу в поисках храброго воина, который мог бы переплыть Днепр и поторопить к осажденному Киеву войско дружественных полян под предводительством Претича. У Люценко Чеслав сам жаждет подвига, так как он возмущен решением вече на рассвете сдать город. Самоотверженность, героизм и патриотизм Чеслава ярко выделяются на фоне «обывательской» позиции его друга Радвила: нужно беречь свою жизнь, если не для себя, то для родных и друзей. Внутренний мир героя раскрывают различные сюжетные ситуации (которые отсутствуют в летописи в силу ее жанровой особенности): трагическая любовь к Ксении, умершей в день их бракосочетания, верность обету, сон, посещение гробницы (характерные для предромантизма мотивы). Отступая от летописного источника, Люценко индивидуализирует характер героя. В.А. Западов подчеркивал: «В творчестве предромантиков на первый план выдвигается человеческая индивидуальность и окружающий ее объективно-реальный, конкретно-чувственный мир. Это – первое исходное положение предромантизма»¹⁶. «Лирика предромантизма постепенно подходит и к изображению сложного характера, в котором комбинируются различные чувства, настроения»¹⁷, – пишет А.В. Архипова. Чеслав одновременно испытывает глубокое уныние из-за осады родного города, стыд и возмущение за вечевое решение, «угрюмость важных дум простерлась на челе»¹⁸ его, но она молниеносно

меняется восторгом, радостью, когда он находит спасительное решение.

Образ Буривого, внутренний мир героя полностью принадлежит поэтической интерпретации Люценко, так как Иоакимовская летопись повествует лишь о факте правления князя, не останавливаясь на чертах его характера. Буриовой изображается под стать своему имени – воин, подобный буре, урагану, бурый, кровавый. Герой проявляет бесстрашие в бою, наводит трепет на врагов: «храбрый Буриовой <...> Кунгардскую страну подверг своей державе, / Где гордый Князь Избор, страшась его побед, / С ним дочь соединил», «Всех быстро в след себя влечет герой любимый»¹⁹. В «Чеславе», более раннем по времени написания, индивидуальностью, яркостью характера отличается лишь центральный герой. В «Буривое и Ульмиле» уже название указывает на два главных персонажа, но выразительными оказываются не только их образы, перед читателем открывается галерея разнообразных характеров: верный раб и храбрый воин Рында, дерзкий предатель и льстец Гордар, враг Свенон и многие другие. «Гордар ласкался быть Новгородских стран владыкой», поэтому идет на предательство Буривого, но эта подлость дается ему нелегко: «В лице его, в душе, как облако луны, / Глубокая тоска смущала тишину: / Он в сердце подавлял возвестников терзанья – / Летящи из него тяжелы въздыханья, / Склонив свое чело в волненьи мрачных дум»²⁰. Свенон, предводитель нападающих варягов, показан не только как злодей (его имя сопровождают эпитеты «свирепый», «неистовый», «неутолимый»), но и как мучимый безответной любовью к Ульмиле мужчина. Именно страсть, а не политические мотивы, становится причиной нападения на Новгородские земли («Свенона лишь одна любовь туда влекла, / Любовь, что с юных лет Ульмила в нем возжгла»²¹).

Лирическая трактовка исторического события характерна для литературы предромантизма. В «Чеславе» лирическое и эпическое начала уравновешены. Подвиг героя сначала встречает препятствие: он поклялся возлюбленной, лежащей на смертном одре, не покидать ее брата Радвила. Чеслава мучает вынужденное бездействие, в беспокойном, кратковременном забытии ему видится стенающая Россия, молящая о спасении. Тень «любезной» Ксении, встреченная им в храме у гробницы, снимает верность обету: «Когда тебя беда отечества смущает, / То Ксения тебе, Чеслав! не воспрещает: / Спасай его, спасай!»²² Вместе с этим исчезает традиционный классицистический конфликт противостояния государственного и частного, выбора героя между долгом перед отечеством и личными чувствами. Для предромантического произведения подобное развитие событий типично. Т.В. Федосеева отмечает: «Герой древности в представлениях человека нового времени воплощал собой идеал, в котором мужество и преданность долгу не противоречили нежным

чувствам, а стремление отстоять свою личную свободу и право на счастье предполагало борьбу за освобождение своего народа, своей родины. Лирическое начало соединялось с героическим»²³.

Центральное место в эпических опытах Люценко, в соответствии с жанровой моделью, занимает описание битв. Русское войско, главные герои проявляют патриотизм, храбрость, что несет не только поэтическую, но и воспитательную функцию, выделенную А.В. Архиповой в числе типичных для предромантизма²⁴. Люценко напоминает современникам, что они не вправе забывать своих праотцев. Воспитательное значение имеет и другая особенность работы поэта над историческими источниками: заключительные сцены его эпических опытов не совпадают с летописными, тем самым читателю остаются известны только славные русские победы, а менее героические перемирия или поражения от него скрыты. В «Повести временных лет» Претич не бьется с печенегами, а лишь устрашает их славой Святослава и заключает временное перемирие. В «Чеславе» описание битвы с врагом занимает центральное место. И если Иоакимовская летопись повествует о поражении Буривого, то Люценко заканчивает произведение победой новгородцев.

Обращение к древней русской истории, особенности трактовки исторических и вымышленных лиц отражают представление Люценко о формировании русской ментальности и характерный для предромантизма поиск «национального».

Примечания

- 1 См.: Шредер Ф. Уведомление // Европейский музей. 1810. № 24. С. 192.
- 2 Базанов В. Ученая республика. М.: Л., 1964. С. 249–250.
- 3 Лямина Е., Панов С. Люценко // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. М., 1994. С. 441.
- 4 Базанов В. Указ. соч. С. 92.
- 5 Люценко Е. Чеслав. Эпический опыт // Труды вольного общества соревнователей просвещения и благотворения. 1818. Ч. I. С. 246.
- 6 Рылеев К. Смерть Ермака // Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности. 1822. Ч. XVIII. С. 103.
- 7 Булкина И. О случаях и характерах в российской истории: мужество киевлянина // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Нов. сер.): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/543654.html>. (дата обращения: 24.09.2009). См. также: Киселева Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX века // Лотмановский сборник 3. М., 2004. С. 69–92.
- 8 Там же.
- 9 Шарыткин Д. Скандинавская тема в русской романтической литературе // Ранние романтические веяния: из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 158.

- ¹⁰ Орлов Вл. Радищев и русская литература. Л., 1955. С. 107–108.
- ¹¹ Федосеева Т. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма. М., 2006. С. 84.
- ¹² Можно предположить, что наиболее вероятные источники произведения Люценко – Софийский и Новгородский списки. Полный перечень опубликованных к 1810 г. летописных сводов см.: Мезиер А. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. СПб., 1899. Ч. 1. С. 84.
- ¹³ Федосеева Т. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁴ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 108.
- ¹⁵ Повесть временных лет / подгот. текста, перевод, ст. и комм. Д.С. Лихачева. СПб., 1999. С. 444. (Лит. памятники).
- ¹⁶ Западов В. Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века. Статья 3-я. Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: от классицизма к романтизму: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983. С. 143.
- ¹⁷ Архипова А. О русском предромантизме // Русская литература. 1978. № 1. С. 22.
- ¹⁸ Люценко Е. Чеслав. С. 231.
- ¹⁹ Люценко Е. Буриной и Ульмила // Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности. 1818. Ч. III. С. 61, 71.
- ²⁰ Там же. С. 62. Выделенные нами курсивом слова и выражения являются характерными для предромантической лексики.
- ²¹ Там же. С. 63.
- ²² Люценко Е. Чеслав. С. 240.
- ²³ Федосеева Т. Указ. соч. С. 81.
- ²⁴ См.: Архипова А. Указ. соч. С. 19.

УДК 821.161.1.09+929 [Грибоедов+Булгаков]

«ГРИБОЕДОВСКИЙ ТЕКСТ» М.А. БУЛГАКОВА

Ю.Н. Борисов

Саратовский государственный университет
E-mail: salbei@san.ru

В статье намечаются контуры «грибоедовского текста» как совокупности цитат и реминисценций из «Горя от ума», их художественно-смысловой соотнесенности и специфики функционирования в произведениях М.А. Булгакова.

Ключевые слова: Грибоедов, Булгаков, интертекстуальность, цитата, реминисценция.

«Griboedov's Text» of M.A. Bulgakov

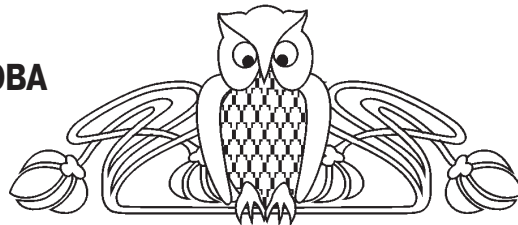
Yu.N. Borisov

In the article the contours of "Griboedov's text" are outlined as a range of quotations and reminiscences from "Woe to Wit"; their literary and sense correlations as well as characteristic functioning in M.A. Bulgakov's works are also touched upon.

Key words: Griboedov, Bulgakov, intertextuality, quotation, reminiscence.

В цитатно-реминисцентном слое произведений М.А. Булгакова отсылки к Грибоедову немногочисленны, но не случайны. Более того, при ближайшем рассмотрении они оказываются системно связанными, образуют некоторое художественно-смысловое единство, спонтанно и органично сложившееся в контексте булгаковского творчества, и это единство может быть названо «грибоедовским текстом». Попытаемся наметить хотя бы его внешний контур.

У истоков формирования «грибоедовского текста» Булгакова – два эпитафия к газетным материалам начала 1920-х г., когда после скитаний времен Гражданской войны начинающий

литератор и провинциал осваивает пространство Москвы, становясь, уже до конца дней, столичным жителем и московским писателем, среди иного и сатириком, живописцем московских нравов. Поначалу Булгаков творит свой «московский текст» как журналист, автор рассказов, очерков и фельетонов. В этих обстоятельствах слово великого предшественника – портретиста «грибоедовской Москвы» – словно само собой слетает с кончика быстрого пера обозревателя московской жизни эпохи нэпа – и как знак прикосновения к традиции, и как стилистический штрих, и как напоминание о былом, и, наконец, как своего рода пароль, устанавливающий отношения доверительности между автором и читателем. Показательно, что оба эпитафия из Грибоедова осеняют тексты, публиковавшиеся в берлинской газете «Накануне», адресованной эмигрантской среде, и в обоих случаях автор подписывает материалы полным своим именем, не прячась, как это нередко бывало, за маской шуточных псевдонимов.

Первый из эпитафиев предвзвещает фельетонную зарисовку авангардистского спектакля Вс. Мейерхольда «Великодушный рогоносец» по пьесе Ф. Кроммелинка («Биомеханическая глава» из цикла «Столица в блокноте», декабрь 1922 г.): «...Зови меня вандалом / Я это имя заслужил»¹. Комически заостренная формула репетиловского самоуничтожения, иронически обращенная автором на себя, здесь и своего рода оружие психологической защиты театра-консерватора от